

постепенно оседал по пути своего следования. Распространение куфических монет носило неравномерный характер, поэтому хронологический состав монетного потока видоизменялся в зависимости от различных условий. В ряде случаев можно указать на примеры, когда в клады попадало много монет последних лет чеканки, тогда как другие синхронные им клады отличаются преобладанием старых монет. Выявленные закономерности свидетельствуют о преднамеренной задержке монетного серебра местным населением, что противоречит выводу С. Болина об исключительно транзитном характере торговли восточным серебром в IX в. С другой стороны, данные, полученные в результате изучения хронологического состава восточноевропейских кладов, открывают перспективу для исследования локальных районов распространения куфических монет с помощью топографического метода.

В. Л. ЯНИН

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О НОВГОРОДСКОМ ДЕНЕЖНОМ ДВОРЕ
ПРИ МИХАИЛЕ ФЕДОРОВИЧЕ**

К настоящему времени установлено, что Новгородский денежный двор, активно работавший во время шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.) и в первые годы восстановления власти Михаила Федоровича, прекратил свою деятельность на основании царского указа 1627 г.¹ Однако остается невыясненным ряд важных проблем, связанных с его работой в 1617—1627 гг., из которых в первую очередь следует назвать круг вопросов, относящихся к начальному периоду чеканки Михаила в 1617 г.

Достаточно сложным представляется установление времени выпуска первых новгородских копеек с именем Михаила Федоровича. Как теперь хорошо известно благодаря блистательным исследованиям И. Г. Спасского, шведы в период оккупации чеканили в Новгороде копейки с именем Василия Ивановича, используя для этого подлинные штампы этого царя в сочетании с подлинными же лицевыми штампами 1610 (1611—1614 гг.) и 1605 гг. (1615—начало 1617 г.), но по пониженным весовым нормам: в 1611—1614 гг. копейки выпускались по стопе 3,6 руб. из гривенки, с 1615 г. — по стопе 3,9 руб.² Между тем среди монет с именем Михаила Федоровича имеется несколько типов (по

¹ Янин В. Л. Из истории Новгородского денежного двора XVII в. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. Л., 1978, с. 15.

² Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. — МИА СССР, 1955, № 44, с. 341—345.

А. С. Мельниковой — 5),³ в которых именные штемпели Михаила Федоровича сочетаются с лицевыми штемпелями Василия Ивановича и более ранними. Это дало основание Спасскому предположить, что такие монеты «чеканили шведы между 1615 и 1617 гг., а не русское правительство после 1617 г.». «Эвакуируясь из Новгорода в 1617 г., — писал Спасский, — шведы увезли с собою все документы денежного двора за годы своего хозяйничанья на нем, которые и попали в Стокгольмский государственный архив. Едва ли они оставили бы при этом на месте такие негромоздкие и в то же время существенные доказательства своей не совсем законной финансовой деятельности в Новгороде, как монетные штемпели, при помощи которых они подделывали русскую монету. Сомнительно и то, чтобы после возобновления чеканки в Новгороде в 1617 г. здесь позволили пользоваться „шведскими“ штемпелями, да к тому же и явно анахроническими».⁴ Окончательное решение этой проблемы исследователь откладывал до анализа чеканки Михаила Федоровича в целом.

В 1960 г. попытка такого анализа была предпринята А. С. Мельниковой, которая поддержала И. Г. Спасского в главном тезисе о чеканке шведами копеек с именем Михаила Федоровича в Новгороде до 1617 г.: «Шведы опять использовали старые лицевые штемпели 1610 г. (Н—РН) и 1605 г. (НРГ). Заново были приготовлены лишь три оборотных штемпеля с именем Михаила Федоровича». Однако мысль о вывозе шведами штемпелей в этой работе не была принята: «По указу 1617 г. о порядке работы на Новгородском денежном дворе был наведен порядок в подборе штемпелей. Давно ставшие совершенно бессмысленными лицевые штемпели были уничтожены (Н—РН, НРГ). Для чеканки новых типов на первых порах был использован резанный еще при Шуйском лицевой штемпель с монограммой без даты (НРД). Этот штемпель, слегка подправленный, служил еще некоторое время после 1617 г. В качестве оборотных штемпелей использовали штемпели с именем Михаила Федоровича, приготовленные шведами. Позднее были сделаны новые лицевые и оборотные штемпели, которые дали последующие типы новгородских монет».⁵

Поначалу И. Г. Спасский согласился с тем, что исследование А. С. Мельниковой сняло «предположение об уничтожении или увозе штемпелей в 1617 г.», подтвердив вместе с тем факт чеканки шведами монет с именем Михаила. Однако обнаруженный им тогда же неизвестный ранее (а теперь представленный многочисленными экземплярами) тип новгородской копейки с датой 1617 г. и именем Михаила усилил «убежденность в том, что че-

³ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет в Новгороде в 1611—1617 гг. — Труды ГИМ, в. 49. Нумизматический сборник, ч. 5, в. 2. М., 1977, с. 186, типы 1—3, 2—4, 6—3, 7—3, 7—10.

⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение... с. 344.

⁵ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича. — Археограф. ежегодник за 1958 г., М., 1960, с. 83.

чанка штемпелем 1605 г. после освобождения Новгорода была невозможна».⁶

Между тем в конце 60-х гг. в Швеции и СССР были обнаружены архивные документы, дающие дополнительное освещение затронутой проблемы. В Государственном архиве Швеции нашлись два письма короля Густава Адольфа, написанные им 28 и 29 июля 1615 г. в лагере под Псковом. В первом, адресованном Якову Делагарди, выражено желание «получить с нарочным несколько чеканенных в последнее время московских денег, которые мы хотим послать в Швецию как образцы». Во втором, направленном руководителю Государственного казначейства и Счетной конторы, говорится, что оно препровождает «монеты двух сортов копеек — сделанных в Новгороде и на монетных дворах Московии, — для нашего пробирера и оценщика». «Нашим милостивым желанием, — пишет король, — является изготовление названных монет с самым большим старанием. И мы приказываем вам закупить в Гамбурге или в Данциге, которые имеют торговлю с Россией, 2 или 3 бочки золота в виде риксдалеров, то есть серебро в риксдалерах, в кредит и под проценты, чтобы это было доставлено в Нарву или в Ревель настолько крупной суммой, какую только возможно окажется доставить... Но мы не хотим, чтобы купцы и другие причастные лица что-нибудь знали и должно быть скрыто вышеуказанное, что это требуется для чеканки монеты».

Если в этих письмах изложено намерение Густава Адольфа тайно чеканить копейки по образцам «монетных дворов Московии», то документ, обнаруженный в Москве, констатирует это намерение как уже осуществленное. В наставлении боярам, назначенным на встречу со шведским послом Стенбуком в 1618 г., в частности, говорится: «После того мирного договору (речь идет о договоре 20 ноября 1616 г. в Ладоге, — *В. Я.*) швейские державцы, которые были в Великом Новгороде, вывезли из царского величества отчины из Великого Новгорода ноугороцкого государства печать, да из денежного двора чеканы, которые деланы были блаженные памяти при царе и великом князе Василье Ивановиче всея Руси, и денежных мастеров Нефедка с товарищи взяли с собою и свезли в Свею силно и ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы на великого государя нашего его царского величества имя, и то учинено через мирной договор неведомо коими обычаи, кабы на роздор, а не соединение, чего искони не бывало, что государю вашему денги чеканить в своем государстве великого государя нашего царского величества именем, мимо своего королевского имени».⁷

⁶ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в XVI и XVII вв. Л., 1964, с. 20.

⁷ Спасский И. Г. 1) Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611—1617 гг. — В кн.: Новое в археологии. Сб. статей, посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972, с. 299—301; 2) Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611—1617 гг. — Вспомогат. истор. дисциплины, IV, Л., 1972,

Опубликовав эти документы, И. Г. Спасский уточнил свое отношение к выводам А. С. Мельниковой. Он снова обратил внимание на оказавшийся очень обильным новгородский монетный тип Михаила с датированным лицевым штемпелем 1617 г. (РКЕ) и выразил сомнение в возможности чеканки копеек анахроничными штемпелями шведского времени после возвращения Новгорода в состав Русского государства: «Если уж для возобновляемой государственной чеканки можно было изготовить новый лицевой штемпель, то едва ли была нужда в именном „шведском“». Что касается времени начала чеканки шведских копеек с именем Михаила Федоровича, то Спасский предположил, что таковым может быть вторая половина или конец 1615 г.: во втором письме король предвидел, что «на все это нужно время».⁸

В 1977 г. А. С. Мельникова публикацией новой работы о новгородской чеканке шведского времени и царствования Михаила Федоровича значительно продвинула изучение проблемы, выявив группу копеек с именем Михаила, достоверно связанных с тайной чеканкой шведов.⁹ В составе этой группы имеются три типа копеек (5—6, 5—7 и 5—9), образованные сочетанием общего для них лицевого штемпеля, помеченного монограммой Московского денежного двора (МО), и трех разных именных штемпелей Михаила. Другие четыре типа (4—5, 4—6, 4—7 и 4—8) имеют общий штемпель, помеченный другой монограммой Московского двора (М), но в двух случаях (4—6 и 4—7) этот лицевой штемпель сочетается с теми же именными штемпелями, которые были использованы с лицевым штемпелем МО. Еще два типа (3—5 и 3—6) возникли из сочетания уже известных нам именных штемпелей Михаила с лицевым штемпелем, помеченным монограммой ПС, т. е. знаком Псковского денежного двора. Уже это соединение монограмм Москвы и Пскова в одной группе плотно переплетенных штемпельными связями монет противостоит и свидетельствует, что перечисленные типы не имеют отношения ни к Москве, ни к Пскову, а чеканены в каком-то другом месте как фальсификаты. Однако А. С. Мельниковой посчастливилось обнаружить в кладе монет с хутора Пянтсаку Тартуского района единственную пока копейку, которая образована сочетанием упомянутого только что лицевого штемпеля ПС с именным штемпелем Василия Ивановича, как раз тем, которым чеканились в Новгороде начиная с 1615 г. копейки шведов (3—2). Таким образом, вся эта группа монет оказывается порожденной шведской инициативой и прекрасно согласуется с теми свидетельствами, которые содержатся в письмах Густава Адольфа 1615 г. и в наставлении боярам 1618 г.

К той же группе новгородско-шведских фальсификатов А. С. Мельникова относит еще два типа копеек (1—3 и 2—4), которые образованы сочетанием именных штемпелей Михаила

⁸ Спасский И. Г. Чеканка копеек шведскими властями... с. 166, 171.

⁹ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет...

с теми лицевыми штемпелями, которыми пользовались шведы в Новгороде в 1611—1617 гг. для выпуска копеек с именем Василия Ивановича (Н—РИН и НРГГ).

Вслед за И. Г. Спасским всю эту группу копеек А. С. Мельникова датирует 1615—1617 гг.

Второе существенное наблюдение А. С. Мельниковой состоит в том, что она устанавливает использование на Новгородском денежном дворе уже после восстановления царской власти над Новгородом ряда штемпелей, оставшихся от шведов, чего, как уже отмечено, не допускает И. Г. Спасский. К числу таких штемпелей она относит именные Михаила (3 и 4). Один из них взаимодействует с лицевым штемпелем 1617 г. (РЖЕ), изготовленным заводом после освобождения Новгорода; другой — с лицевым штемпелем НРД, изготовленным еще при Василии Шуйском, но подправленным при Михаиле. Этот подправленный штемпель в свою очередь взаимодействует с именным штемпелем Михаила, появившимся уже в 1617 г. (7—10).

Общая схема новгородского чекана 1611—1626 гг., предложенная А. С. Мельниковой, воспроизведена на рис. 1.¹⁰

Нумизматические факты, суммированные А. С. Мельниковой, выстраиваются в стройную и на первый взгляд убедительную картину. Однако до решения некоторых принципиальных вопросов не следует торопиться принимать эту схему как окончательно доказанную. Главный из спорных вопросов касается места чеканки шведских копеек с именем Михаила Федоровича. Свидетельства письменных источников таковы, что не дают основания сколько-нибудь категорически называть местом их чеканки Новгород. Напротив, прямое указание документа 1618 г. позволяет утверждать о выпуске таких монет в Швеции (под этим термином можно понимать и области, отошедшие к шведам по Столбовскому миру), поскольку в нем прямо говорится, что чеканы были вывезены из Новгорода уже после ладожского соглашения конца 1616 г., что взяты были чеканы, сделанные при Василии Ивановиче, и что «ныне в Свее денги чеканят, переделав те старые чеканы» на имя Михаила Федоровича. Вывоз русских мастеров, осуществленный насильственно, свидетельствует, что шведы не были способны самостоятельно изготовить необходимые маточники и что таких маточников не было и в Новгороде.

Добавлю к этому следующее. Чеканка шведами в Новгороде копеек на имя Василия Ивановича не была и не могла быть тайной. Между тем столь деликатное предприятие, как выпуск монет на имя царствующего в Москве Михаила «неведомо коими обычаяи, кабы па роздор, а не соединение, чего искони не бывало», требовало особой секретности, на которой, в частности, настаивает

¹⁰ Публикуемая схема несколько отличается от изданной А. С. Мельниковой (Новые данные о чекане монет..., с. 186, рис. 3). В указанной публикации ошибочно не показаны типы 4—5 и 8—11 и введен несуществующий тип 4—9. Корректировка сделана по тексту статьи А. С. Мельниковой и схеме на ее рис. 2.

в письме от 29 июля 1615 г. Густав Адольф. Не представляю, каким образом должная секретность могла бы быть соблюдена, если бы копейки с именем Михаила Федоровича чеканились на Новгородском денежном дворе русскими мастерами, да еще на протяжении целого года.

Следует назвать и нумизматический аргумент. Если уже в конце 1615 г. шведы перешли в Новгороде от чеканки монет на имя Василия к чеканке на имя Михаила, как следует объяснять бросающуюся в глаза количественную диспропорцию? Обследование девяти крупных музеев (в их числе ГИМ) позволило А. С. Мельниковой выявить только 85 «шведских» копеек Михаила,¹¹ тогда как копейки Василия, чеканенные с начала 1615 г. (НРГІ) (следовательно, тоже на протяжении одного года), известны вкладах и коллекциях во многих сотнях экземпляров.

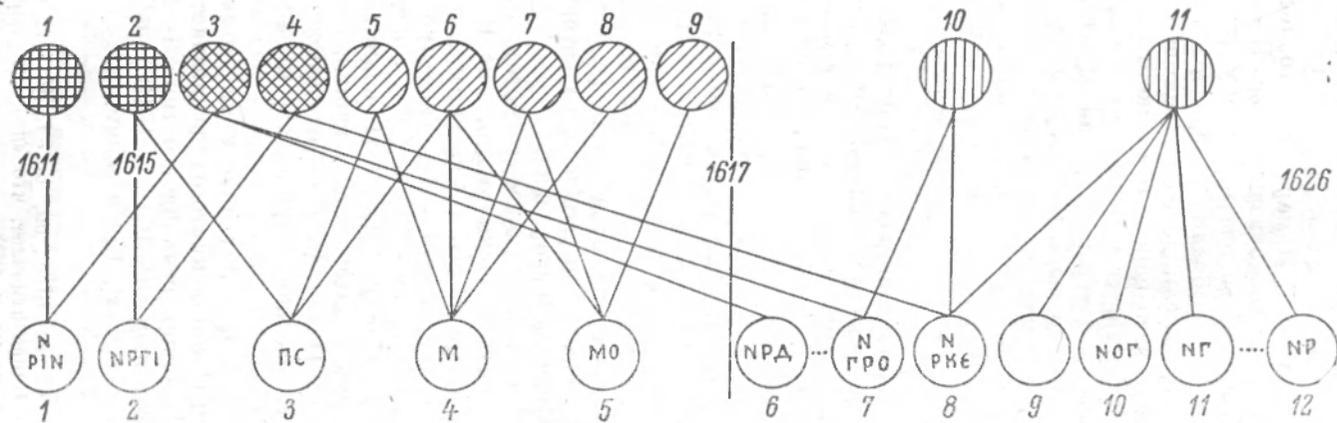
Допуская, что вся рассматриваемая группа монет чеканится не в Новгороде, а после вывоза денежных мастеров и штемпелей, мы обязаны и именным штемпелям 3 и 4 с именем Михаила изъять из этой группы и считать их изготовленными после возвращения Новгорода в состав Русского государства, коль скоро они достоверно употреблялись на Новгородском денежном дворе уже при Михаиле. В таком случае окажется, что и лицевые штемпели Н—РН и НРГІ, которыми при шведах чеканились копейки на имя Василия Ивановича, оставались в Новгороде и употреблялись при Михаиле Федоровиче.

Поставленную здесь проблему возможно исследовать заново благодаря новейшей архивной находке.

После заключения Столбовского мира, 14 марта 1617 г. в Новгород прибыли царские послы (окольничий, суздальский наместник князь Данила Иванович Мезецкий, дворянин, шацкий наместник Алексей Зузин и дьяки Николай Новокрещенов и Добрыня Семенов), которым было предписано восстановить приходо-расходную систему царской казны в Новгороде. К 23 августа того же года (т. е. к концу 125-го года) по распоряжению послов был составлен обширный отчетный документ о состоянии Новгорода и новгородских дел после «очищения» от шведов, который в дальнейшем будем называть Описью 1617 г. О денежном дворе в этом документе сообщаются следующие сведения:

«На Денежном дворе всяких запасов. Марта с 14-го числа по приказу послов окольничего князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи сделано наново на государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя 2 маточника ноугородочных, верхней да исподней. 2 лохани медных. 4 тазы медных. Пол 7 золотника медных. 3 вески медные. 4 мехи болших и менших. 7 клещей. 10 молотов. 2 излойницы. 7 наковалень болших и менших. 7 волоков. 2 ремени волочильных, 188 гривенок врознь.

¹¹ Мельникова А. С. Новые данные о чекане монет..., с. 190—191, приложение 1. — В тексте статьи (с. 190) автор почему-то говорит только о 63 экз.

Оборотный штампель с именем Василия. Шведский чекан.

Оборотный штампель с именем Михаила Федоровича. Использование в русском чекане после 1617 г. оборотных штампелей, приготовленных шведами.

Оборотный штампель с именем Михаила Федоровича. Шведский чекан.

Оборотный штампель с именем Михаила Федоровича. Русский чекан после 1617 г.

Рис. 1. Схема соотношения копейчных штампелей Новгородского денежного двора 1611—1626 гг. (по А. С. Мельниковой).

42 золотника железных. 15 матошников вершников, 14 матошников исподников прежних государей. 2 матошника полуденежных, верхней да исподней. . . А в заводе на Денежном дворе серебра. . . никаких денех после немец не осталось. И марта с 14-го числа государевы послы те государевы пошлины завели изнова. На Денежном дворе велели быть прежнему голове вязмитину Ивану Микифорову, да х тому в товарищи выбрали ноугородца торгового человека Мокея Лысцова. И велели денежные матошники и чеканы зделать наново на государево цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя. И на завод велели дать целовальником Олексею Денисьеву с товарищи взаймы из соболиные продажи 100 рублей денег до выделки. Те у них денги целовальники Алексей Денисьев с товарищи взяли назад.

При послех при околпичем при князе Даниле Ивановиче Мезетцом с товарищи в Великом Новгороде марта с 14 числа августа по 23 число всяких денежных доходов в приходе.

З Денежного двора денежной прибыли 1040 рублей 7 алтын.¹²

Как видим, после ухода шведов из Новгорода на Новгородском денежном дворе оставались многочисленные маточники как лицевых, так и оборотных сторон копеек, а также комплект маточников для чеканки полушек. Эти штемпели сохранялись и к 23 августа 1617 г. (т. е. к концу 125-го года), когда денежный двор уже выполнил значительный объем работы по чеканке копеек с именем Михаила Федоровича. Однако все маточники нижних штемпелей (т. е. именных) были «прежних государей», ни одного предположенного А. С. Мельниковой штемпеля на имя Михаила среди них не было, и работа денежного двора при послах началась с изготовления двух маточников «ноугородочных» (т. е. для чеканки копеек, «новгородок»), верхнего и нижнего, из которых нижний нес легенду с именем Михаила Федоровича.

Весьма любопытным оказывается следующее сопоставление. За время деятельности Новгородского денежного двора на Рогатице было изготовлено 15 маточников лицевых копеечных штемпелей (9 — Бориса, 2 — Дмитрия, 3 — Василия, 1 — Сигизмунда) и 16 маточников оборотных (именных) штемпелей (10 — Бориса, 2 — Дмитрия, 3 — Василия, 1 — Сигизмунда). По-видимому, шведы вывезли 2 маточника именных штемпелей Василия, в результате чего, как это видно из Описи 1617 г., на денежном дворе в Новгороде остались 15 маточников-«вершников» и 14 маточников-«исподников» для чеканки копеек.

Поскольку до конца 125-го года никаких других маточников изготовлено не было, единственный комплект этого года опознается без каких-либо затруднений. Очевидно, речь идет о типе 8—10, лицевой штемпель которого помечен датой 1617 г. (РКЕ). Обилие копеек этого типа уже отмечалось И. Г. Спасским.

¹² ЦГАДА, ф. 96, Сношения России со Швецией, оп. 1, 1617 г., ед. хр. 7, л. 293, 443; 35, 32, 444, 453. — Опись отмечает, что «двор государев денежной» находился «в Рогатицы» (там же, л. 483).

Схема А. С. Мельниковой показывает, что лицевой штемпель РКЕ в какой-то момент вступил во взаимодействие с именовым штемпелем Михаила № 4, породив тип 8—4. Коль скоро указанного именового штемпеля не было среди оставшихся от шведов после «очищения» Новгорода, мы должны датировать его более поздним, например 126-м, годом. То же самое следует сказать об именовом штемпеле Михаила № 3, который взаимодействует со старыми, анахроничными штемпелями Н—РН (тип 1—3), НРД (тип 6—3) и переделанным из НРД штемпелем № 7 (тип 7—3). Добавлю, что и именной штемпель Михаила № 4 взаимодействует со старым штемпелем НРГІ, породив тип 2—4. Все эти типы, что, очевидно, появляются не ранее сентября 1617 г., когда потребности денежного производства привели к созданию новых именных штемпелей № 3 и 4 и к использованию во взаимодействии с ними не только штемпеля РКЕ, но и старых, анахроничных лицевых штемпелей, сохранившихся на денежном дворе после шведов.

Лицевой штемпель РКЕ был последним датированным. Начиная с 1618 (126-го) г. новгородские копейки не имеют дат, которым, следовательно, уже не придается значения, и новый именной штемпель № 11, остающийся в работе до закрытия Новгородского денежного двора, вступает во взаимодействие не только с новыми не имеющими дат лицевыми штемпелями № 9, 10, 11 и 12, но и со штемпелем РКЕ, порождая анахронический тип 8—11, который, несмотря на наличие даты, не имеет отношения к чеканке марта—августа 1617 г., а принадлежит к более позднему времени.

Поскольку именные маточники Василия Ивановича были вывезены шведами из Новгорода, что следует из наставления боярам 1618 г., а к одному из них привязана вся цепочка штемпельных связей шведской чеканки на имя Михаила Федоровича, очевидно, что тайная чеканка этих монет велась вне Новгорода, после вывоза указанных маточников и изготовления новых штемпелей насильственно перемещенными в Швецию русскими мастерами.

Общий итог изложенных наблюдений представлен на рис. 2, в котором сохранена нумерация штемпелей схемы А. С. Мельниковой.

Опись 1617 г. дала возможность уточнить представления о действительном ходе новгородской чеканки в 1611—1627 гг. Однако все условия предложенного решения были заключены в нумизматических материалах, собранных до обнаружения этого нового документа, что лишнее раз свидетельствует о самостоятельных возможностях нумизматической методики успешно исследовать сложные проблемы не только источниковедческого, но и историко-политического характера. Схема штемпельных взаимосвязей четко разграничивает две группы монетных типов, чеканенных на имя Михаила Федоровича, одна из которых имеет все признаки законного новгородского происхождения, будучи тесно

связана преемственными взаимоотношениями с чеканкой шведов в Новгороде на имя Василия Ивановича, а другая объединяет типы с обозначением разных денежных дворов, что само по себе свидетельствует о ее незаконности. Вторая группа также связана с новгородской чеканкой шведов на имя Василия, но эта связь

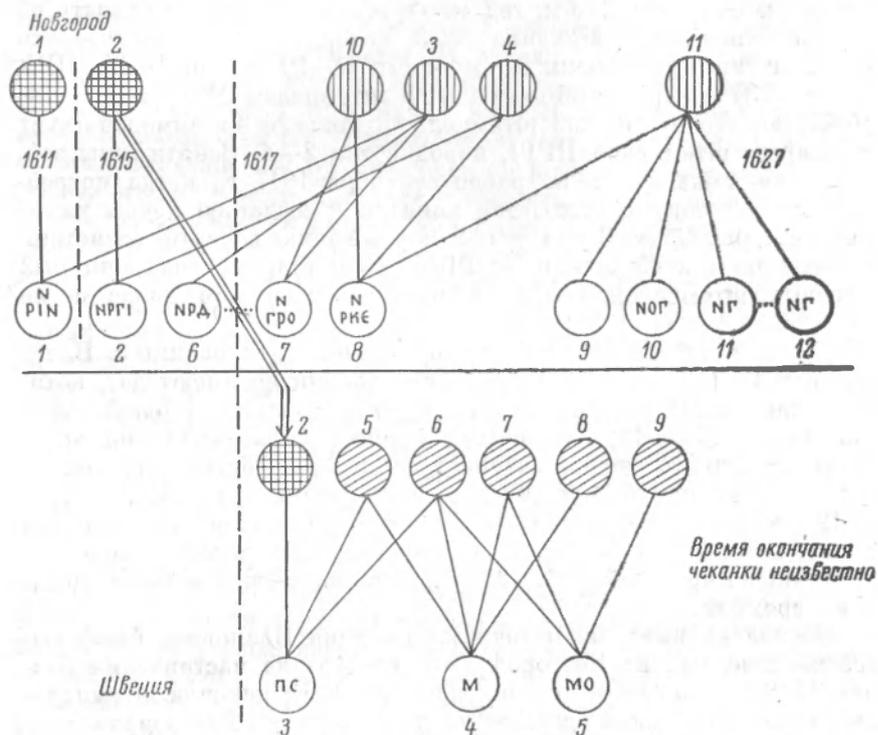

Рис. 2. Схема соотношения копеечных штемпелей Новгородского денежного двора 1611—1627 гг.

слабая, обозначенная пока единственным экземпляром фальсифицированного типа 3—2. И все же без прямых показаний письменных источников, оставаясь в русле исключительно нумизматической методики, вряд ли возможно было дать иное решение кроме альтернативного. Обсуждению этой альтернативы и посвящен спор между И. Г. Спасским и А. С. Мельниковой. Хотя оба исследователя одинаково неверно определяют время и место чеканки шведских фальсификатов, главный вопрос, касающийся их атрибуции, оказывается неизбежным порождением этой дискуссии.

Опись 1617 г. определяет денежную прибыль от чеканки копеек с марта до 23 августа в 1040 рублей 7 алтын. Однако она

в действительности была на 100 руб. больше, поскольку взятые займы для первоначального обзаведения «до выделки» 100 руб. были возвращены целовальникам. Зная механизм образования доходов от чеканки, можно попытаться установить общий объем производства и перейти тем самым к обсуждению второй важной проблемы, связанной с работой Новгородского денежного двора при Михаиле Федоровиче.

Для этого прежде всего следует познакомиться с царским указом 1617 г. о возобновлении работы Новгородского денежного двора. Эта грамота, «сообщенная в списке П. М. Строевым», была опубликована еще в 1875 г.¹³ С тех пор она время от времени цитировалась исследователями и частично анализировалась ими,¹⁴ однако полного ее разбора в литературе не существует, хотя это, несомненно, один из важнейших документов для изучения организации денежного дела XVII в. Приведу наиболее обстоятельное высказывание А. С. Мельниковой по поводу этого документа: «Существует еще указ 1617 г. о возобновлении работы денежного двора в Новгороде, который совершенно четко указывает на 4-рублевую стопу. Размеры плавильной и золотничной пошлины указываются с гривенки по 14 алтын и по полуденге, т. е. по 42 копейки с полушкой; из них нужно платить с гривенки мастером («чеканщиком и волочильщиком, и бойцом, и кузнецом», т. е. четырем категориям рабочих) по 10 денег с полушкой, а всем вместе — 21 копейку. „А торговым людям велено давать за гривенку по 3 рубли с полтиной“. Если принять во внимание убыль от угара за 2% (по Спасскому) — от гривенки это будет составлять 4 грамма, т. е. вес 8 копеек 4-рублевой стопы. Следовательно, из гривенки изготовлялось 350 коп. + 42 коп. + 8 коп. = 400 коп. (отбрасываем полуденгу, так как она не играет роли при расчетах)».¹⁵

Кое-что в этом рассуждении вызывает недоумение. Хотя плавильная пошлина бралась с заказчика, все вопросы, связанные с исчислением угара, решались, естественно, до начала чеканки. Поэтому учитывать процент угара в расчете стопы по крайней мере странно, и предложенное А. С. Мельниковой объяснение представляется весьма искусственной попыткой отыскать недостающие 8 коп., тем более что и названная ею норма угара в 2%, как будет показано далее, документально не подтверждается. Эти недоумения заставили обратиться к архивному оригиналу публикации 1875 г. в Сборнике списков с царских грамот 1530—1696 гг. из фонда Новгородской приказной палаты, хранившемся

¹³ Русская историческая библиотека. СПб., 1875, т. 2, стб. 341—342, № 111.

¹⁴ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г., с. 258; Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 79.

¹⁵ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 79.

затем в коллекции актовых книг Археографической экспедиции.¹⁶ Сравнение опубликованного текста с оригиналом выявило ошибку в одном из наиболее ответственных мест публикации. Поэтому считаю необходимым воспроизвести здесь полный текст документа (рис. 3):

«(л. 78) О денежном дворе. 125 году. Государева грамота за приписью дияка Ивана Останова.

Велено в Новгороде учинити денежной двор по прежнему и денги делати в серебре и в старых денгах и въ ефимочном и в ветоши в серебре. А пошлины имать по государеву указу торговым людем, которые учнут серебро и ефимки и ветош приносить, и с того серебра имать на государя велено золотничные и плавилные пошлины з гривенки по 14 алтын по полу 16 де(нег). А торговым людем за гривенку велено давать по 3 рубля с полтиной. А мастером давать з гривенки и чеканщиком, и волочилщиком, и бойцом, и кузнецом по 10 де(нег) с полуденгой. А сто рублей велено принимать против 16 фунтов. А велено выбирать к денежному двору голов и целовалников лутчих // (л. 78 об.) людей. А свершку велено давать на 100 рублей по десяти рублей или как договор учините и какъ бы государеве казне было прибыльные. А сколько у ково гривенок и серебра и старых денег возмут и сколько отдадут и сколько золотничные и плавилные пошлины из обменных денег прибыли от денег будет и сколько у плавленья у серебра и у денег у сливки угару будет, велено писати в книги подлинно по статьям. А у книг велено быть диячим пометам по полям и у статей».

В публикации 1875 г. во фразе «и с того серебра имать на государя велено золотничные и плавилные пошлины з гривенки по 14 алтын по полу 16 де(нег)» ошибочно напечатано «по 14 алтын по полуденге».

Данные указа позволяют прежде всего рассчитать стопу. Основой расчета денежного двора с заказчиком является гривенка серебра (204.7 г) в виде уже отчеканенных из этого веса монет. Из гривенки заказчику выдается «по 3 рубля с полтиной», т. е. по 700 денег (350 копеек), а удерживается золотничной и плавильной пошлины 14 алтын 15.5 денги (а не 14 алтын 0.5 денги, как ошибочно указывалось в публикации 1875 г.), т. е. 99.5 денги. В общей сложности из гривенки, таким образом, приготавливалось 799.5 денги, или 399.75 копеек (по 0.51 г серебра копейка). Не очень понятно, почему из гривенки чеканилось не 400 копеек, а на полушку меньше. Может быть, казна учитывала неизбежное отпадение «крох» при чеканке?

¹⁶ Архив ЛОИИ СССР, кол. 2, д. 17, л. 78—78 об.; Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории. М.—Л., 1958, с. 69, 364. — В публикации 1875 г. нет архивной ссылки, однако на полях издаваемого документа, в его начале и конце, есть карандашные пометы П. М. Строева: «Списать» и «Здесь конец», — что позволяет идентифицировать именно этот текст с оригиналом публикации 1875 г. Выражаю сердечную благодарность В. А. Варенцову, указавшему мне местонахождение этого документа.

В той же части указа говорится о порядке оплаты мастеров, которым положено получать по 10.5 денги с гривенки. Этот расход извлекался из золотничной пошлины, как можно судить, например, по заголовку 3-й книги Новгородского денежного двора 1611 г.: «Что отдано денежным мастером серебра и что за то серебро за дело из золотничной пошлины денежным мастером дано и что за мастерьюскою дачею золотничной пошлины останется, и тому книги».¹⁷

Нуждается в обсуждении вопрос о величине общей суммы оплаты мастеров. А. С. Мельникова полагает, что каждому из четырех названных в указе мастеров (чеканщику, волочильщику, бойцу и кузнецу) следовало по 10.5 денги, т. е. размер мастерской оплаты доходил до 42 денег (21 копейка) с гривенки.¹⁸ Это неверно. В 1611 г. в Новгороде при 3-рублевой стопе за изготовление из гривенки 300 копеек мастерам платили общим счетом всего лишь 3.5 денги; в начале 1613 г. в Москве при 4-рублевой стопе мастера все вместе получали около 13.5 денги.¹⁹ Надо полагать, что оплата в 10.5—13.5 денги с гривенки в начале царствования Михаила Федоровича была обыкновенной. Разница в оплате на Новгородском и Московском денежных дворах в этом случае скорее всего объясняется тем, что в Москве чеканились не только копейки, но и денги, требующие вдвое большего расхода труда.

Убедительные материалы в той же связи опубликованы С. Б. Веселовским и повторены А. С. Мельниковой, не обратившей внимания на то, что они противоречат ее мнению о плате в 10.5 денги с гривенки каждому мастеру.²⁰ В 1626 г. на Московском денежном дворе для Новгородской чети из 61 рубля 23 алтын старых денег было сделано новых 77 рублей 24 алтына 2 денги. В старых денгах весу было 18 гривенок 33 золотника. Из них в сливке угорело 8 золотников (т. е. чуть меньше 1%), а из оставшихся 18 гривенок 25 золотников сделано всего 78 рублей 23 алтына 4 денги, по 4 рубля 8 алтын 2 денги из гривенки, что свидетельствует о существовании к этому времени новой стопы — в 425 копеек из гривенки. Из новых денег дано мастерам за работу по 10.5 денги с гривенки, всего 32 алтына 2 денги, а остальные 77 рублей 24 алтына 4 денги отосланы с денежного двора в Новгородскую четь. 32 алтына 2 денги равны 194 денгам. При делении этого количества на 10.5 денги получаем 18.5 гривенки, что равно количеству отчеканенного серебра. Отсюда следует, что 10.5 денги с гривенки платились не каждому

¹⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 2. СПб., 1864, с. 78.

¹⁸ Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 79.

¹⁹ Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г., с. 258—259.

²⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908, с. 16—17; Мельникова А. С. Систематизация монет Михаила Федоровича, с. 80.

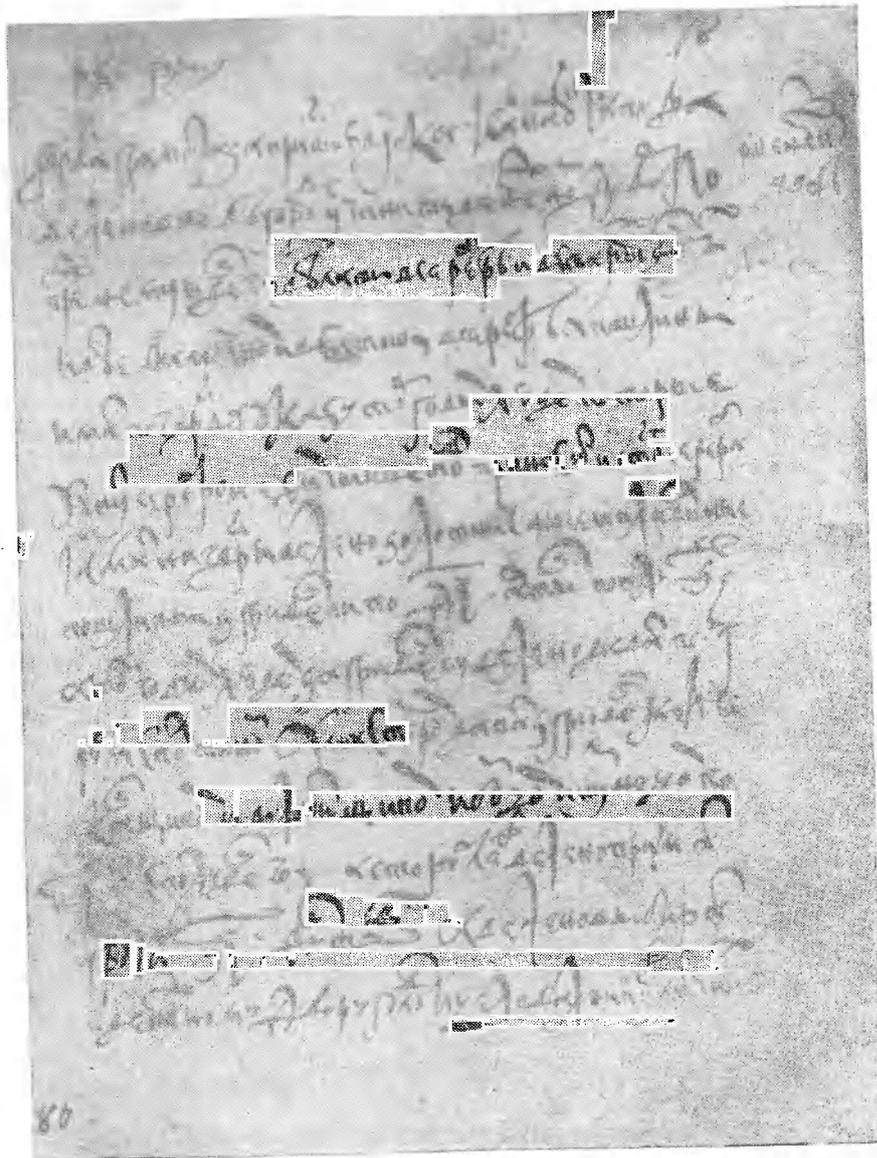

Рис. 3. Грамота царя Михаила Федоровича 1617 г. об организации денежного двора в Новгороде. (Список). Архив ЛОИИ, кол. 2, д. 17, л. 78.

мастеру, а всей группе мастеров, участвовавших в денежном переделе.

Таким образом, после расчета с мастерами в казне оставалось 89 денег плавильной и золотничной пошлыны с гривенки, что и составляло чистый доход государства от чеканки монеты.

Указ 1617 г. определяет и нормы обмена приносимого на денежный передел серебра: «А сто рублей велено принимать против 16 фунтов». Очевидно, речь здесь идет о старых, дореформенных рублях, соответствующих 3-рублевой стопе. В самом деле, если 16 фунтов серебра (6550 г) приравниваются 100 руб., то каждый рубль должен содержать 65.5 г серебра, а копейка — 0.655 г серебра. Нормой копейки при 3-рублевой стопе было 0.68 г, однако практически из-за потертости в обращении ее вес максимально близок рассчитанному здесь. В указе в перечислении видов приносимого на передел серебряного сырья называются не только старые денги, но также ефимки и «ветошь». Норму их обмена легче всего было рассчитать в старых рублях, поскольку цена разных категорий ефимков и серебряного лома подробно регламентировалась «Торговой книгой».²¹

Из 16 фунтов (32 гривенок) серебра по нормам 4-рублевой стопы чеканилось 128 руб. (32×4), из которых, согласно предыдущему расчету, 16 руб. ($99.5 \text{ денги} \times 32 = 15 \text{ р. } 92 \text{ к.}$) оставались на денежном дворе в виде плавильной и золотничной пошлыны. Таким образом, на долю заказчиков должно было бы приходиться 112 руб. Между тем при обмене старых денег на новые «сверхку велено давать на 100 рублей по 10 рублей», а не по 12 руб., как это следовало бы из приведенного расчета.

Надо полагать, что разница в 2 руб. образуется за счет угара серебра, равного здесь примерно 1.5—1.6%. Этот процент несколько выше нормального при переплавке высокопробного серебра. Если угар при плавке ефимков достигал 11—13%, то чистое серебро в плавке теряло около 1%.²² «Торговая книга», в частности, замечает: «А говорят, что шпанское де в слитках добре бело и чисто серебро, маленько де не придет в денежное, у гривенки всего угорит ползолотника»,²³ т. е. угар в этом случае равен 1.04%. Выше приводилась цифра угара при переплавке старых денег в 1626 г., приближающаяся к 1%. Указ 1617 г. и в этом расчете корректирует процент угара в пользу казны, как в пользу казны корректировался в нем вес старого рубля.

Опираясь на предписанные указом 1617 г. нормы, попытаемся выяснить объем денежного производства в Новгороде за период с марта по 23 августа 1617 г. Как уже показано, доход денежного двора составил к последней дате 1140 рублей 7 алтып (из которых 100 руб. было возвращено целовальникам). Поскольку в рас-

²¹ «Торговая книга». — Зап. Отд. русской и славянской археологии Археол. о-ва, т. I. СПб., 1851, отд. III, с. 116—117.

²² Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г., с. 225.

²³ «Торговая книга», с. 116—117.

ходных статьях Описи 1617 г. не фигурирует оплата денежных мастеров, следовательно, она, на основании царского указа, извлекалась в их пользу до подсчета общей суммы казенного дохода. 1140 рублей 7 алтын равны 228 042 денгам. Эта сумма, как мы знаем, складывается из умножения 89 денег на то число гривенок серебра, которое было переделано на монету. Простым делением устанавливаем, что переработано было 2562,3 гривенки. Поскольку из каждой гривенки получалось 399,75 копеек, общее число отчеканенных в указанный период копеек — 1 024 280. В рублях эта сумма равна 10 242 р. 80 к.

Есть ряд сведений о доходах денежного двора в Новгороде за последующие годы. Три записи в приходо-расходных книгах Новгородской чети были известны ранее, одна публикуется впервые.

Под 1620 г. сообщается: «С новгородского з денежного двора золотничную и плавильную пошлину збирают на государя на веру выборные головы и целовальники. А на нынешней на 128-й год денежного двора пошлин против збору 127-го году помечено собрати 700 рублей 30 алтын оприч того, что денежного двора на расходы во 127-м году вышло 23 рубли 8 алтын 5 денег, а в сметном списке 127-го году те денги были в збор не приложены. И обоего денежного двора пошлин против 127-го году собрати 724 рубли 5 алтын 3 денги. И по новгородскому сметному списку 128-го году те денги во 128-й год собраны сполна да сверх окладу прибрано 42 рубля 8 алтын 5 денег. И обоего по окладу и сверх окладу собрано 766 рублей 14 алтын 2 денги».²⁴ Эта запись показывает, что общий доход Новгородского денежного двора с 1 сентября 1618 г. по 31 августа 1619 г. составил 724 рубля 5 алтын 3 денги, а с 1 сентября 1619 г. по 31 августа 1620 г. — 766 рублей 14 алтын 2 денги.

Сохранилась запись 1621 г.: «С ноугородского з денежного двора денежные прибыли на нынешние на 129-й год против збору 128-го году помечено собрати 766 рублей 14 алтын 2 денги. А в нынешнем в 129-м году на денежном дворе всяких пошлин в зборе 724 рубли 17 алтын 3 денги. И не добрано денежново двора прибыли перед прошлым 128-м годом в нынешнем во 129-м году 41 рубль 30 алтын з денгою. И про тот недобор денежново двора головы и целовальники сказали, учинился у них тот недобор потому, что на денежной двор старых денег и ветоши серебра и ефимков в приносе было мало».²⁵

На этот раз собственные расходы денежного двора «приложены в збор». Они фигурируют в расходной части книги: «На денежном дворе по книгам голов гостя Семена Великого да Филипа Шапочника да целовальника Ондreja Шолковника на дворо-

²⁴ Гневущев А. М. Сметы по Новгороду четвертным денежным доходам XVII в. (с 1620 по 1660 г.). — Труды Моск. предварительного комитета по устройству XV Археол. съезда, 1911, с. 195.

²⁵ ЦГАДА, ф. 137, Новгород, ед. хр. 136, л. 13—13 об.—14.

вую поделку и на свечи, и на бумагу, и на дрова, и на чернила, и дьячком за письмо, и сторожу найму, и на всякие мелкие расходы вышло 19 рублей 25 алтын 3 денги.²⁶ На 1622 г. в приходо-расходной книге планируется прибыль в соответствии с итогом предыдущего года: «С ноугородцкого денежново двора прибыли на 130-й год против сбора 129-го году 724 рубли 17 алтын 3 денги».²⁷

Неизвестно, каким был реальный доход 1622 г., поскольку следующая запись сохранилась только от 1626 г.: «В Великом Новгороде на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии денежном дворе денежную прибыль збирают на государя на веру головы с целовальники. А на нынешней на 134-й год против прошлого 133-го денежные прибыли помечено собрати 833 рубли 15 алтын с полуденгою. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу тое денежную прибыль в Новгороде во 134-м году велено сбирати голове псковитину Ивану Савину, а с ним целовальником новгородцом посадским выборным людем. И по новгородцкому сметному списку 134-го году голова Иван Савин с товарищи денежново двора прибыли во 134-м году собрали и в Новгороде взято и с тем, что на денежном дворе вышло в расход, 600 рублей 6 алтын и 1½ денги. А недобрали головы и целовальники во 134-м году против збору 133-го году 233 рублей 18 алтын 5 денг. И про тот недобор в Новгороде головы и целовальники в роспросе сказали, что во 134-м году перед 133-м годом на денежной двор торговые и всякие люди старых денег и ефимков и ветоши серебра в дело приносили мало, да и неметцких городов неметцкие торговые люди ефимков привозили мало ж, потому что в неметцких городех войны».²⁸

Наконец, последняя запись датирована 1628 г.: «Новгородцкого денежново двора денежные прибыли и верново бранья по окладу против 135-го году 1371 рубль 27 алтын 2 денги. И по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Баима Болтина 135-го году в Великом Новгороде денег делать не велено».²⁹

Приведенные материалы и принципы исчисления объема продукции денежного двора позволяют установить количество отчеканенных копеек за те годы, от которых сохранились сведения о величине дохода денежного двора. При этом следует учитывать отмеченное выше изменение стопы, зафиксированное в приказных документах 1626 г., согласно которым чеканка тогда велась по норме 4 рубля 8 алтын 2 денги (т. е. 425 коп.) из гривенки. Поэтому для 1625—1627 гг. учтено это изменение:

²⁶ Там же, л. 58 об.—59.

²⁷ Там же, л. 84.

²⁸ Гневущев А. М. Сметы... с. 198.

²⁹ Там же, с. 200.

Год	Доход двора	Объем производства	Изготовлено
125	1140 рублей 7 алтын	2562.3 гривны	10242 р. 80 к.
126			
127	724 рубля 5 алтын 3 денги	1627.3 »	6505 р. 13 к.
128	766 рублей 14 алтын 2 денги	1722.3 »	6884 р. 90 к.
129	724 рубля 17 алтын 3 денги	1628.1 »	6508 р. 33 к.
130			
131			
132			
133	833 рубля 15 алтын 0.5 денги	1872.9 »	7959 р. 82 к.
134	600 рублей 6 алтын 1.5 денги	1348.1 »	5729 р. 42 к.
135	1361 рубль 27 алтын 2 денги	3060.3 »	13006 р. 27 к.

Неизвестен объем производства Новгородского денежного двора за четыре года (1618, 1622—1624), однако если принять для этих лет минимальную цифру в 6500 руб., то общее количество отчеканенных за 11 лет монет приравняется примерно 82—83 тыс. руб., иначе 8.2—8.3 млн. коп.

Это количество невелико, если учесть, что на Московском денежном дворе в первые годы царствования Михаила Федоровича в один только передел чеканилось монет на сумму свыше 1000 руб. Так, для Казенного приказа 21 ноября 1613 г. было отчеканено 1405 рублей 2 денги; 12 августа 1614 г. — 1024 рубля 25 алтын 2 денги; 21 марта 1615 г. — 1248 рублей 6 алтын 4 денги.³⁰ Такой же объем имели и более поздние переделы. Привожу в этой связи одну неопубликованную запись за 1620 г.: «Да Арханьилского города корабельные пристани у таможенных голов Ивана Максимова да у Гаврила Неустроева с товарищи таможенных денег за расходы и за покупками в остатке 5308 рублей осмнадцать алтын з денгою. Да купленных две тысячи восьмьсот тритцать три ефимька рьялских. А по книгам таможенных голов дано за те ефимки ис таможенных денег 1303 рубля 6 алтын, по 15 алтын по 2 денги за ефимок. И 129-го декабря в 10 день по отписке з Двины воеводы князя Ондreja Хилкова да диака Семейки Зеленого и по росписи таможенных голов Ивана Максимова да Гаврила Неустроева с товарищи те денги ефимки взяты сполна, платили денги ефимки двинские таможенные целовальники Сергей Еремеев с товарищи.

И декабря ж в 19 день те ефимки посланы на денежной двор к Ефиму Телепневу да к диаку к Ивану Поздееву с подначим с-Бланом Кишмулиным. А велено те ефимки переделати в денги. И декабря в 22 день по памяти з денежного двора за приписью диака Ивана Поздеева ис тех ефимков зделано денег тысяча пять-

³⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов..., с. 16.

сот семнатцать рублев семнатцать алтын четыре денги опричь того, что мастером от дела дано. И перед куплею тех ефимков в переделке прибыли 215 рублев 11 алтын 4 денги. И те денги 1517 рублев 17 алтын 4 денги в государеву казну в Новгородскую четверть взято.

А в двинском сметном списке 128-го году те ефимки в покупке и в посылке к Москве во 128-м году. А к государю к Москве те ефимки во 128-м году не присланы. А в сей приходной книге написаны они ко 129-му году в остаток, потому что они присланы в нынешнем во 129-м году».³¹

Как видим, вся продукция Новгородского денежного двора за целый 129-й год (сентябрь 1620—август 1621 г.) всего лишь в четыре с небольшим раза превосходит дневную продукцию Московского денежного двора. Малая продуктивность новгородского денежного производства определялась, как это явствует из приведенных записей в приходо-расходных книгах Новгородской четверти, недостаточным предложением серебряного сырья в денежный передел. Но и вне зависимости от этого обстоятельства двор в Новгороде был весьма небольшим. Согласно Описи 1617 г., на нем было только семь наковален, что свидетельствует о возможности одновременной работы не более чем семи чеканщиков. И тем не менее он приносил хотя и небольшой, но достаточно стабильный доход. Не исключая поэтому вероятного предположения, что действительной причиной ликвидации провинциальных дворов в Новгороде и Пскове в 1627 г. была необходимость максимально централизовать денежное дело в целях проведения скрытых мероприятий по изменению стопы.

Сопоставление двух цифр — 8,3 млн отчеканенных в Новгороде в 1617—1627 гг. копеек и того, что дошло до нас от этой чеканки в музейных коллекциях, — рождает вопрос: насколько предствительно столь малая часть может отразить огромное целое? К примеру, основой исследования А. С. Мельниковой по систематизации монет Михаила Федоровича в новгородской части этой систематизации послужили примерно 170 копеек из собрания ГИМ.³² Думается, что, коль скоро полученная схема детально отражает взаимодействие штемпелей и практически не пополняется новыми находками, даже такое малое количество сохранившегося материала обладает свойствами должной представительности.

³¹ ЦГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, ед. хр. 13в, л. 34—34 об. — Сердечно благодарю М. Е. Бычкову, познакомившую меня с этим документом, а также с Описью 1617 г. и приходо-расходной книгой 1621 г.

³² Примерно из 15 000 монет Михаила Федоровича, хранящихся в ГИМ, 170 относятся к чекану Новгорода, 327 — псковские, остальные — московские.